

ПРОЗА НАШЕГО ВРЕМЕНИ

ОЛЕГ
ЗАЙОНЧКОВСКИЙ
ТИМОШИНА
ПРОЗА

РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНА ШУБИНОЙ

Издательство
АСТ
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
3-17

Оформление переплета и макет
Андрея Рыбакова

Зайончковский, Олег Викторович.

3-17 Тимошина проза : [роман, рассказы] / Олег Зайончковский. — Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2016. — 288 с. — (Проза нашего времени).

ISBN 978-5-17-097052-0

Олега Зайончковского называют одним из самых оригинальных современных русских прозаиков. Его романы «Петрович», «Сергеев и городок», «Счастье возможно», «Загул» вошли в шорт-листы престижных литературных премий: «Русский Букер», «Большая книга» и «Национальный бестселлер».

Герой романа «Тимошина проза» — офисный служащий на исходе каких-либо карьерных шансов. Его страсть — литература, он хочет стать писателем. Именно это занимает все его мысли, и еще он надеется встретить «женщину своей мечты». И встречает. Но роман с ней как-то не задается, так же, как и роман с литературой. Новое возвращение к святой русской теме «маленького человека»? Или «уж не пародия ли он»?

Рассказы «Осень в Зеленой зоне» и «Марина и море», вошедшие в книгу, органично сочетаются с настроением романа и продолжают его тему.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-097052-0

© Зайончковский О. В., 2016
© ООО «Издательство АСТ», 2016

Содержание

ТИМОШИНА ПРОЗА

Роман

7

РАССКАЗЫ

Осень в Зеленой зоне

241

Марина и море

251

Тимошина проза

Роман

Глава первая: В поисках женского

1. Портрет кота

Как и любому из нас, теоретически ему принадлежал весь мир, но Тимоша редко осматривал свои отдаленные владения — он проживал на тринадцати квадратных метрах.

Правда, издавна обжитая комнатка — это тоже мирок, пусть даже и населенный единственным обитателем. Оказавшись в Тимошиной комнатке, можно было, не задавая вопросов, узнать кое-что о его прошлом и настоящем. Вот за стеклом на полке выстроилась коллекция автомобильчиков, — модельки были хотя и старые, но все в отличной сохранности. На торце полки виднелись еще следы переводных картинок, соскобленных и затертых; а если заглянуть за кресло, разделявшее

эту полку и книжный шкаф, то на обоях можно было найти каракули, начертанные младенческой рукой. Это трогательное послание из невозвратимого прошлого свидетельствовало о том, что комната не знала ремонта как минимум тридцать лет. Книжный шкаф справа от кресла, тесно уставленный книгами разной степени зачитанности и далеко не одинаковой художественной ценности, сверху завален был пыльными папками и тубусами, оставшимися, очевидно, от времен студенчества. Здесь же, в шкафу, в буковой красивой рамочке стоял портрет рыжего с пятнышками кота — друга Тимошиного детства и ранней молодости.

Однако и современность тоже заявляла в комнате свои права, пусть даже совершенно стихийно. Старая домашняя парта сама собой давно превратилась в компьютерный стол, а где когда-то была корзина с игрушками, там теперь высилась многоэтажная башня «хай-фай»-аппаратуры. Напротив дивана чуть не половину стены занимал огромный ковер-телевизор, большую часть времени беззвучно плававший красками. Были тут и вещицы поменьше — разнообразные гаджеты с экранчиками и без, чье назначение не всегда понятно, но без которых уже не полна жизнь современного человека.

В этой же комнате находился предмет, привлекавший особенное внимание Тимошиных посетителей, а точнее сказать, посетительниц.

Он обычно стоял за дверью, прислоненный к стене, и в сложенном виде напоминал большую гладильную доску. Это, однако, был настоящий массажный стол. Посетительницы затем Тимошу и посещали, чтобы на этом столе он гладил и освежал самое дорогое, что у них было.

Комната, где человек прожил достаточно долго, может многое рассказать о нем. О характере и привычках, о занятиях и увлечениях, и даже о состоянии его сердечных дел. Последнее, разумеется, интересовало Тимошиных посетительниц. Независимо от того, имело ли это для них значение, проницательные посетительницы отмечали, что фото кота Тимоша опра-вил в рамочку, а женских ни одного в комнате не держал. Это доказывало, что у него сердце было или разбито, или просто никем не занято.

2. Посетительницы

Свое любопытство к Тимошиному персональному житью-бытью (впрочем, довольно поверхностное) посетительницы утоляли в ходе ознакомительного визита. Являясь в последующие разы согласно назначенному расписанию, они уже не отвлекались на изучение комнаты. Драгоценных минут не теряя попусту, посетительницы раздевались — застенчиво, или кокетливо,

или отважно-решительно, или царственно-неторопливо. Тимоша тем временем приготовлял ложе, то есть раскладывал свое массажное сооружение и покрывал его простыней. Обнажаясь до пределов, положенных только их собственной скромностью, посетительницы взбирались на высокий стол с помощью небольшой скамеечки, после чего укладывались на живот и опускали лицо в специальный иллюминатор. Когда Тимоша орошал их тело арабским благовонным маслом, женщины сладко ежились: с замиранием сердца ждали они прикосновения его волшебных рук.

Эти полеты на массажном столе производили на посетительниц неизгладимое впечатление и, во-вторых, конечно, оказывали укрепляющее, оздоровительное воздействие.

— Все ломоты и в пояснице, и вот в этих местах прямо как рукой снимает, — рассказывали посетительницы своим подругам. — И потом он так это делает, просто не сказать как!

Молва о Тимоше как о талантливом массажисте передавалась из уст в уста. В женских кругах микрорайона он был популярен не меньше Ниночки, выдающейся маникюрши из салона «Локон». Разница между ними заключалась в том, что Ниночка своим искусством зарабатывала на жизнь, а Тимоша лишь подрабатывал. Правильнее сказать, что массаж был для него способом самовыразиться. Каждому человеку

нравится делать то, что у него хорошо получается. Незабываемые свои сеансы давал он по вечерам, не чаще трех раз в неделю, днем же Тимоша трудился в Проектной организации, где от сотрудников требовались не чудо-руки, а умственные способности. К счастью, Москва велика, и Тимошино место работы далеко отстояло от места жительства. Чем занимался он в неслужебное время, коллеги Тимоши не знали, да и вряд ли хотели знать.

Однако предосторожность была не лишняя, если учесть, что в обществе живы еще предрассудки в отношении любого массажа. Многие люди считают, что массажные процедуры доставляют непозволительное удовольствие пациенту и оператору. Какое глубокое непонимание! И вообще, кто сказал, что целебное и полезное непременно должно быть болезненным или горьким? Как бы то ни было, но сотрудники Проектной организации если и пользовались услугами массажистов (а надо думать, пользовались), то, разумеется, не из своей среды.

Хорошо, что никто из среды Тимошиных сослуживцев не проживал от него поблизости. Может быть, это не говорило в пользу микрорайона, но как массажисту Тимоше давало свободу рук. Женщин из всех сред общества схожи строением тела; все они иногда испытывают ломоты и нуждаются в укрепляющих процеду-

рах. Что из того, что Тимошины посетительницы читали только журнальчики со столика салона «Локон». Во время сеансов Тимоша руками чувствовал их первобытную женскую плоть, а они ощущали его первобытную магию рук. И при чем же тут, спрашивается, круг чтения? Конечно, порой случалось, что отзывчивость женской плоти переходила в зов, а Тимошина плоть на зов этот откликалась. Это было вполне естественно и лишь доказывало пользу от его сеансов. Посетительницы забывали о своих лотах; они покидали Тимошу омолодившимися и обновленными.

Некоторые подробности массажной практики Тимоша благоразумно скрывал от своих родителей, с которыми делил жилплощадь. Но он не мог запретить им тревожиться и фантазировать по поводу посетительниц. Впрочем, во время сеансов родители, как правило, сидели тихо у себя в комнате.

3. Родители

Когда благодарные посетительницы покидали Тимошу после сеанса, их путь пролегал коридорчиком и дальше налево в прихожую, куда выходили еще три двери. В одной из дверей непременно показывалась лысоватая голова. Это был папа, и с ним воспитанные посетитель-

ницы тоже заодно прощались. Папина голова отвечала киванием — сдержанным, но достаточно вежливым. Однако как только за посетительницей закрывалась дверь, сдержанность оставляла папу.

— Эти хождения по вечерам! — восклицал он. — Когда же они прекратятся?

Дверь, где была его голова, открывалась шире — рядом с папой возникала мама. Она поясняла папино возмущение:

— Дорогой, мы просто не знаем, что думать... Эта женщина наверняка замужем.

— Вы опять за свое! — огрызнулся Тимоша. — Ваше ханжество нестерпимо! Если хотите знать, я просто даю сеансы.

Подобные сцены периодически повторялись и были привычны для их участников. Оскорбленный беспочвенными, по его словам, подозрениями, Тимоша скрывался у себя в комнате, а родители продолжали делиться друг с другом невеселыми соображениями.

— Эти женщины явно не его уровня, — уверенно предполагал папа.

— Ты совершенно прав, — соглашалась мама. — И должно быть, не нашего круга.

— Когда он только остепенится...

— Ох, и не знаю... Должно быть, не скоро дождемся мы законных внуков.

Этот обмен замечаниями показывал, что ни в какие «просто сеансы» папа с мамой не ве-